129р 130 30/IX Государств. Публичная Историческая Библиотека 1ф 2081пе

МАРТ. МОСКВА.—1920 г. Ц. 6 р.

№ 5-й. „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 5-й.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

СОДЕРЖАНИЕ: Крестьянский анархизм. *Ладогин.*—Стихотворение. *О. Приморская.*— Вольный город. *В. Буслаев.* — Коммуна (из стихотворения Луизы Мишель). *Роберт Эрманд.*—Лоскутное одеяло. *В. Хрусталев.*—Стихотворение. *В. Бубенцов.*—Призыв „Грозы“. *Инициативная группа союза революционных интернационалистов „Гроза“.*—Критика предубеждений против анархизма. *Марсин.*—Факты, мимо которых нельзя пройти молча. *С. Мосенжук.*—Два слова по поводу „исповеди“ М. А. Бакунина. *Архивный.*— От секретариата. — Библиография анархических книг.

335.8 (47)(05) „19..

Крестьянский анархизм.

Л. Н. Толстой, не задолго до своей смерти, два раза повторил, что русский народ, „настоящий русский народ“ отрицательно относится к какому бы то ни было правительству. Зоркий наблюдатель Л. Н. Толстой не бросал своих слов на ветер.

В дореволюционное время мы не раз встречали в русской литературе ссылки на анархичность русского народа,—крестьян по преимуществу. Так, например, в одном из иследований Вольного Экономического Общества мы читаем, что крестьяне Псковской губернии говорили посланному к ним чиновнику:—„ты нам не люб, как не любо все чиновничество, от которого ты прислан. Нам не нужно никакого управления, а мы сами будем расправляться“. Среди крестьян этой губернии наблюдалась „ненависть ко всему строю государственному“...

Анархическое мировозрение русского народа отнюдь не ново. С ярко выраженными анархическими течениями мы встречаемся во время той русской революции, которая именуется нашими историками „смутным временем“, во время Разиновщины и до некоторой степени во время Пугачевщины. В крестьянских „бунтах“, не редко вспыхивавших после усмирения пугачевского бунта, опять таки не редко замечались анархические настроения крестьянских масс.

Даже в буржуазной литературе мы встречаемся с такими фразами, как, например, „широкие массы у нас верят, что анархия есть неопровержимо лучший общественный строй“.

Не говоря о литературе, заметим, что пословицы русского народа являются анархическими пословицами каждый раз, когда дело касается государства, закона или суда и только изредка в них проскальзывает буржуазная „мудрость“ государственника, утверждающего, что „законы святы да исполнители лихие супостаты“. Приведем несколько таких пословиц: „закон, что дышло: куда поворотил, туда и вышло“, „не будь закона, не стало бы и греха“, „закон веревка; одним концом вытащит, другим удавит“, „не знай закона, не знает и греха“, „кто богат, тот и прав“, „что мне законы, мне судьи знакомы“, „закон—паутина: шмель проскочит, муха увязнет“, где закон, там и обида“, „с сильным не борись, с богатым не судись“, „в суд ногой, в карман рукой“, „суд по форме, судей прокормит“, „где суд, там и неправда“, „в суд пойдешь,

129

правды не найдешь", „в земле—черви, в воде—черти, в лесу—сучки, в суде—крючки, куда уйти?" Так относится наше крестьянство, к законам, перед которыми благоговеют крестьяне западной Европы.

Товарищи, которым приходится соприкасаться с крестьянством, в один голос говорят о заметном в рядах крестьян анархическом настроении. Письма крестьян анархистов опять таки указывают, что крестьяне от слова до слова согласны с тем, что говорят анархисты, но слова „анархист" не знают и не понимают, утверждая, что „анархизм, это—самое страшное, все грабит и убивает и ничего не признает". Конечно, крестьянам анархистам удается без особого труда уверить их, что они имеют самое ложное представление об анархизме, что наше учеине оклеветано государственниками, что анархизм как раз те порядки, о которых мечтают крестьяне.

Что касается до оторвавшихся от деревни рабочих, то только наиболее интеллигентные, наиболее вдумчивые и серьезные пролетарии увлекаются анархическим ученнем. Те же рабочие, которые в течении долгих лет участвовали в экономической жизни, как простые исполнители приказов, исходящих от фабричного начальства, считают анархический строй не осуществимым в настоящее время, хотя, конечно, симпатизируют анархистам до тех пор, пока не попали на хлебные места.

Что же это за анархизм, который исповедует, часто не зная слова „анархия" наше крестьянство? Конечно, это—самый простой, крестьянский, и, если забыть о религиозной стороне учения Л. Н. Толстого, толстовский анархизм. Анархизм без телеграфов, без телефонов даже без машин и т. д.—анархизм крестьянской сельско-хозяйственной жизни. Заметна в этом анархизме еще одна черточка. Крестьяне вовсе не представляют себе тех форм экономической и общественной жизни, при которых крепок был бы анархический строй, при которых он не мог бы превратиться в свою собственную противоположность. Наша пропаганда в деревне и должна быть направлена на указание тех форм общественной жизни, которые свойственны анархизму, при наличности которых можно справляться с внешними врагами и с внутренними попытками разложить анархическое устройство.

Мы не должны успокаиваться на том, что крестьяне настроены анархически. Необходимо, чтобы они знали как надо устроиться на анархических началах. Надо бы переиздать брошюрки, расказывающие о таком устройстве.

Без таких брошюр трудна пропаганда в русской деревни, т.-е., пропаганда того типа народного хозяйства и общественной жизни, который свойственен анархизму.

Ладогин.

* * *

Алая роза—символ любви,
Пламенный венчик, точно в крови,
Алая греза цвесть подожли:
Черная роза есть на груди.

В честь анархизма—черный наряд,
В чашечке дивной—сладостный яд.
Нежно целую шелк лепестка
Траурной розы, чудо цветка.

Ольга Приморская.

Вольный Город.

(Окончание).

Что касается до полиции, то таковой, как бюрократической, вооруженной организации насильников, в Вольном Городе не будет. Первое время, пока не исчезнут прежние навыки, придется организовать для защиты от грабежей ночные дежурства граждан, установить автомобильную и телефонную связь между ночными постами. Домовые комитеты организуют так или иначе эти дежурства. В течении дня граждане, в свою очередь, будут отбывать дежурства.

Функции полиции благосостояния будут распределены между разными отделами общественных служб, городскими учреждениями и добровольческими организациями.

Едва ли не единственно—возможной формой суда (раз суд будет существовать первое время) явится такая форма, при которой обвиняемому будет предоставлено право выбрать из граждан города столько же судей; сколько пригласит для разбора его дела обвиняющая сторона или представители Вольного Города. Наибольшим наказанием, назначаемым таким судом, будет изгнание или бойкот, не обрекающий, впрочем человека на смерть от лишений.

В делах разных учреждений, по скольку они касаются внутренних взаимоотношений, быть может, свои суды, созданные договорным правом—суды этих учреждений.

Возможно, что в самом скором времени надобности в суде не будет. Нет, например, суда в примитивных анархо-коммунистических общинах севера. У эскимосов не было судов и датчане не учреждают судов у эскимосов Гренландии. Оскорбленный ищет возмездия на турнире певцов, т.-е. слагает сатирическую поэму об оскорбителе и декламирует ее публично" (Л. Крживицкий. Психические расы. Опыт психологии народов, стр. 103). В громадной анархо-коммунистической общине духоборов (около 10.000 человек) суда нет, тем более, что духоборы не совершают преступлений. „Точно также у духоборов совершенно отсутствует какая бы то ни было организация, напоминающая собой современный суд и какие бы то ни было наказания". (М. И. Туган-Барановский. „Величайшая в мире коммунистическая организация", стр. 32).

Вольный Город (Коммуна) устроит свои школы и учреждения для образования и самообразования. По соглашению с другими местностями России, Вольный Город возьмет в свое заведывание высшие учебные заведения и, при помощи других городов и селений, поставит дело высшего образования, предоставив высшим учебным заведениям необходимую для них автономию. Нечего и говорить, что всякий желающий может заниматься в Вольном Городе преподаванием.

Свои библиотеки, музеи, картинные галлереи, театры, кинематографы и пр. Вольный Город сделает общедоступными.

Если какой-либо город очень велик, то ему есть смысл распасться на несколько небольших городов, (районов, концов, секций и т. п.). Каждый такой район будет устраивать свои дела, как Вольный Город, и войдет в самую тесную связь с другими районами во всех тех слу-

чаях, когда это понадобится. Такие районы (смежные Вольные Города) должны быть небольшими для того, чтобы все взрослое население могло собираться на общий сход, на вече. В каждом районе все дела будут обсуждаться вышеуказанным порядком и уполномоченные граждан будут получать от них точные наказы.

Город явится федерацией больших и малых, созданных для всевозможных общественных и личных целей организаций, находящихся в границах данного городского поселения. Все эти организации будут об'единяться между собою так, как найдут нужным, при чем эти об'единения вовсе не обязаны придерживаться границ города, а будут в случае надобности и желания их членов выходить далеко за его пределы.

Вольные Города целой страны, а затем и нескольких стран, в свою очередь, образуют свои союзы, свои федерации, при чем свяжутся федеративно, как с федерациями деревень, так и с отдельными деревнями. Таким образом сложится общерусский союз Вольных Городов и Вольных Деревень, а далее и общеевропейская, а еще далее и всемирная федерация вольных поселений.

Вольные города будут тяготеть к созданию тесной, всемирной федерации. Так как союзы граждан таких городов, говоря словами П. А. Кропоткина, будут „врезываться друг в друга“, переплетаться между собою‘ то, образуя единую сеть таких вольных об'единений, они еще теснее свяжут между собой города. Тысячами неразрывных нитей свяжется каждый Вольный Город с десятками других Вольных Городов по делам экономики, политики, образования, искусства, лечения и пр. и прочия.

Так сложится вольное народоправство. Большая воля, свобода, т.-е., полное удовлетворение потребности в безопасности, равно как и претворившаяся в учреждения солидарность будут правилами политического общежития, на которых и создастся грядущее общежитие.

Как Вольные города, так и учреждения Вольных Городов сложатся иа началах обычного права и вольного договора, за которым не будет стоять принуждение.

Выход из Вольного Города и из любой его организации будет свободен и отказывающийся от соблюдения договора коммунар имеет право получить от Вольного Города необходимые для первого времени средства существования и нужные средства производства. Каждый будет трудиться по мере своих сил и способностей столько часов в неделю, сколько и каждый другой гражданин и каждый получит нужные ему продукты, никого не обездоливая захватом излишних продуктов.

Вольный договор, организуя производство, распределение продуктов, не затронет сферы индивидуальной жизни, не навяжет свободной личности каких либо принудительных норм. Хотя вольное право Вольного Города не признает насилия большинства над меньшинством или меньшинства над большинством, тем не менее, или вернее именно поэтому, каждый гражданин имеет право самозащиты. Наряду с этим в Вольном Городе не будет произвола, не будет и насильников.

Вольный Город будет управлять всеми своими имуществами и право произвести у себя коммунизацию захваченных отдельными лицами и по высшей справедливости трудовому люду принадлежащих промыш-

ленных, торговых, перевозочных и других предприятий, принадлежащих в капиталистических государствах разным эксплуататорам.

Все жилые дома Вольный Город об'явит принадлежащими всему общежитию. Квартиры равномерно распределяются между всеми жителями и управление домами перейдет к сходам квартирантов и к об'единениям этих сходов. Вольный Город будет строить новые жилые дома и нежилыя помещения.

Ремесленники небольших мастерских устроятся в Вольном Городе следующим образом. Они потребуют, чтобы под ремесленные мастерские были отведены большие помещения (большие квартиры, помещения бывших и ставших ненужными магазинов, присутственных мест и прочия). В эти помещения будет передаваться из городских складов все, что надо для работы: инструменты, небольшие машины, которыми пользуются ремесленники, необходимые материалы. Надо будет снабдить их необходимою мебелью, освещением, топливом. В эти новые, просторные мастерския ремесленники и будут приходить работать, но, конечно, те, кто пожелают работать на дому, могут это делать.

Рабочие фабрик и заводов будут работать на них вольными артелями. Сходы мастерских, союзы рабочих, фабрично заводские комитеты, всевозможные технические и т. п. комиссии будут вести дело производства разных продуктов.

Вольный Город, по указанию своих промысловых союзов и фабрично-заводских комитетов, сразу оптом будет приобретать не выделываемые в его пределах средства производства, в том числе каменный уголь, нефть, железо, дерево, кожи и проч. и проч. Вольный Город громадными партиями будет закупать с'естные припасы для своих жителей—главным образом, хлеб, овощи, молоко, мясо и т. д. П. А. Кропоткин указывает, что в начале Вольные Города средневековья обыкновенно сами закупали все пищевые продукты для потребления горожан. В Венеции, например, город покупал, а его „кварталы" рассылали по домам то. что приходилось на долю каждого. „Город, именно город, а не частные лица (Господин Великий Новгород в России) снаряжал корабли и посылал караваны для торговли с отдельными странами, а барыши от торговли доставались не отдельным купцам, а опять таки всему городу: город же покупал нужные для жителей припасы".

Вольный Город с'умеет взять в свои руки и сбыт изделий. Возможно, что обмен и распределение продуктов будут организованы следующим образом.

Из складов, в которые будут передаваться (из мастерских и из-за города) материалы, инструменты, машины и т. п., мастерские будут получать все, что требуется для работы. Если в складах не хватит каких либо средств производства, то заведующие складами, исполняя поручение рабочих союзов, закажут недостающее соответствующим мастерским или выпишут из-за города.

Из складов, в которые будет передаваться (из мастерских и из-за города) необходимые для личного потребления и домашнего обихода предметы, все нужное для жизни будет развозиться по магазинам и лавкам, находящимся в разных частях города.

Город будет разбит на небольшие районы (части, кварталы) с приблизительно одинаковым числом жителей. В каждом таком районе будут открыты магазины для разных товаров. В эти магазины и лавки районов надо будет посылать из главных складов приблизительно же

по равному числу предметов и продуктов. Если в районах будет не поровну жителей, то продукты и предметы надо будет посылать по душам—по числу живущих в районах мужчин, женщин и детей. Жители районов разобьются на тысячи, тысячи на сотни, сотни на десятки и будут по ровну на каждую тысячу или сотню брать из складов все, что им надо.

Все эти тысячи и сотни будут заказывать то, что им надо магазинам, а магазины будут передавать эти заказы центральному складу, который в свою очередь передаст заказ рабочим союзам. Каждая тысяча или сотня может заказывать, кроме предметов обычного, всегда имеющегося на складах потребления, все, что пожелает. Дело центрального склада следить за тем, чтобы заказы каждой тысячи, каждой сотни, имеющей одинаковое количество мужчин, женщин и детей определенных возрастов, требовали приблизительно одинакового количества труда. Тем не менее, ясно, что одна тысяча может заказать более конфект, а другая более перчаток.

Впрочем, жители Вольного Города могут устроить свою промышленность совсем на других началах: необходимо только одно, чтобы сами работающие вели дело производства и чтобы доход делился между жителями Вольного Города по ровну и по потребностям.

Вольный Город обезпечит, конечно, (дав тоже, количество продуктов что и всем гражданам), не могущих работать увечных старых, больных горожан и будет отцом и матерью для всех сирот.

В задачу этой статьи не входило, впрочем, дать подробный очерк экономического устройства Вольных Городов. Один из возможных типов вольного хозяйства описан в брошюре А. Карелина „Россия в 1930-м году“ и в брошюре „Вольный Город“.

Василий Буслаев.

Коммуна.

(Из Луизы Мишель).

Когда народ, угрюмый, молчаливый,
Вдруг забушует вновь, как грозный океан,
—Родится жизнь Коммун в борьбе вольнолюбивой—
И победит врагов он, мститель и Титан.
Мы все придем тогда бесчисленною ратью:
Со всех дорог, полей вновь соберемся мы,
Из тьмы могил своих восстанут наши братья
И битве гимн споют долины и холмы.
Знамена черные кровавыми цветами
Смерть молчаливая в той битве обновит;
Земля покроется цветущими садами
И жизнь свободную тогда благословит.

Роберт Эрманд.

Лоскутное одеяло.

А. Барон свою статью о „едином анархизме“ в 3 № „Московского Набата“ начинает с отборной ругани по адресу инакомыслящих, очевидно имея в виду отбить у них всякую охоту рассуждать о сем предмете. Но так как в печати до сих пор еще, как будто никто не

выступал против „единого“ анархизма и мы совершенно не представляем себе, чем доняли почтенного автора назойливые критики „слева“, „справа“, „сверху“, „снизу“ и т. д., то мы рискуем все-таки разобрать основные положения „единого“ анархизма, давая в то же время оценку их с собственной точки зрения, для изложения отнов „единого“ анярхизма мы берем „декларацию и резолюции“ первой конференции А. О. У. „Набат“ и разные „Набаты“ (их было несколько).

„Единый“ анархизм—синтез индивидуализма, коммунизма и синдикализма. „Мы не зовем к механическому об‘единению разных течений в анархических организациях“,—говорит т. Барон. Стало быть, вовсе не всякий анархист-коммунист, анархо-синдикалист или анархо-индивидуалист может войти в „набатовскую“ группу. Это—не механическое об‘единение, а особое миросозерцание, „система мышления“. „Набатовцем, то есть сторонником „единого“ янархизма, является только тот, кто считает, что индивидуализм, коммунизм и синдикализм суть три стороны единого анархизма, следовательно, неотделимы друг от друга. Индивидуализм—полное развитие личности—цель „единого“ анархизма. Коммунизм—средство для развития личности. Синдикализм—метод осуществления. Признание этих положений выделяет „единый“ анархизм среди других течений и, таким обназом, „набатовцы“ начинают об‘единение анархизма. Коммунизм—сродство для развития личности. Синдикализм—метод осуществлания. Признание этих положений выделяет „единый“ анархизм среди других течений и, таким образом, „набатовцы“ начинают об‘единение анархизма с откровенного раскола. Присмотримся же поближе к этому подозрительному синтезу индивидуализма, коммунизма и синдикализма в особую систему „триединого* анархизма.

Под именем анархического индивидуализма об‘единяют три совершенно различных учения. Анархическим индивидуализмом называют учение Макса Штирнера, требующего создания таких общественных условий, которые обеспечивали бы свободное развитие личности. Один из наиболее интересных коментаторов Штирнера Б. Гиммельфабр [1]) доказывает, что Штирнер не был противником ни социализма, ни организации. Гиммельфарб склонен признать, что Штирнеру свойственна даже классовая точка зрения, что очень не ясны его взгляды на социалистическое государство и что он даже чуть ли не недоделанный марксист. Много в этих утверждениях спорного; одно лишь несомненно: Штирнер никогда не был защитником частной собственности и допускал коллективную собственность „союзов эгоистов“.

Под анархическим индивидуализмом понимают также и учение Б. Текера, который во имя интересов личности признает право частной собственности и совершенно отрицает коллективную собственность. Наконец, под именем анархического индивидуализма понимают и учение Ж. Прудона, который признавал права частной собственности, но исходил при этом вовсе не из интересов личности, а из принципов равенства и справедливости. Таким образом, анархический индивидуализм можно рассматривать и как миросозерцание, и как программу. Штирнер—индивидуалист только по миросозерпанию, но не по программе. Прудон, напротив, индивидуалист—по программе, но не по миросозерцанию. Наконец, Текер—индивидуалист и по программе и по миросозерцанию. Оче-

[1]) См. коментированное Гохшиллером и Гиммельфарбом издание Штирнера „Единственный и его собственность и Б. Гиммельфарб „Социальная философия Штирнера“.

видно, сторонником „единого“ анархизма может быть только индивидуалист по миросозерцанию, но не по программе.

Далее, анархический коммунизм можно тоже рассматривать, и как миросозерцание, и как программу. Анархический коммунизм, рассматриваемый, как миросозерцание, неразрывно связан с именем П. Кропоткина, давшего ему научное обоснование. Эта стройная социологичеекая, философская и экономическая система глубоко антииндивидуалистична по духу. Основу ее составляет идея взаимопомощи, рассматрнваемой, как главный фактор развития живых существ. Идея коллективного творчества в духовной и материальной области неразрывно связана с этой теорией взаимопомощи. На ней построена индивидуалистическая мораль, выдвигающая на первый план интересы вида, а не индивидуума. В экономической области составной частью учения Кропоткина является теория децентрализации промышленности и теория соединения умственного и физического труда.

Анархический коммунизм, как программа, есть учение, требующее полного уничтожения права частной собственности и государства. Организапия производства в анархической коммуне—дело соглашения трудовых артелей работников. М. Бакунин был автором программы анархического коммунизма, но он никогда не разделял анархического коммунизма, как миросозерцания, которое было даже выработано после его смерти. М. Бакунин разделял социологическое и экономическое учение марксизма, отвергая его философские предпосылки. Он был волюнтаристом в фисософской области. В тоже время Бакунин был еще в большей степени антниндивидуалист, чем Кропоткин. Однажды, повидимому под влиянием Конта. он даже сказал, что личность есть фикция и что реально лишь общество. И он ннкогда не уставал повторять, что общество предшествует личности и определяет ее.

Анархический коммунизм, как миросозерцание, глубоко враждебен „единому“ анархизму. Триединый анархизм приемлет снархический коммунизм только как программу, но ни в каком случае ни как миросозерцание. Может быть, в этом и коренится причина вражды „набатовцев“ к настоящим анархистам коммунистам, имеющим научное миросозерцание.

Перейдем теперь к анархо-синдикализму. Едва ли можно говорить об анархо-сиидикализме, как о миросозерцании и ни в коем случае нельзя говорить о нем, как о прогрммме. Анархо-синдикализм—не программа и не миросозерцание, а тактика. Анархо-синдикализм приемлет разные миросозерцания. Синдикальная тактика об‘единяет коммуниста П. Кропоткина с несомненным индивидуалистом Бакуниным. Что же касается той программы, за которую борятся синдикалисткими методами, то она, по большей части, бывает чисто коммунистической, как у П. Кропоткина, Х. Корнелиссена, Э. Пуже. Но может быть программа не коммунистическая, а коллективистическая, то-есть требующая перехода орудий и средств производства не в общенародное достояние, а в групповую (коллективную) собственность рабочих артелей. Эту точку зрения, например защищает т. Новомирский в книжке „Из программы синдикального анархизма“. „Единый“ анархизм приемлет синдикальную тактику. И так, триединый анархизм слагается из индивидуалистическодо миросозерцания, коммунистической программы и синдикальной тактики. Это нечто пестрое, составленное из разноцветных лоскутков, как самодельное одеяло.

Можно ли, после всего этого, самоуверенно заявлять:—„Единый

анархизм не есть какая то новая ветвь в анархизме... Мы считаем, что мы лишь возвращаемся к первоначальному революционному интегральному анархизму Парсонса, Малатеста, Кропоткина. Приставки к анархизму явились позднее и представляют собой вредный паразитический нарост на его теле“ (А. Барон, Московский Набат № 3). После всего вышесказанного, едва ли можно говорить о возвращении „набатовцев“ к старому интегральному анархизму. Анархизм П. Кропоткина слишком мало общего имеет с лоскутным анархизмом набатовской секты. Все грамотно в „едином“ анархизме исключая только что приведенной экскурсии в область истории. Каждый мало-мальски знакомый с историей анархизма, знает, что кличку анархистов получили ученики Бакунина от противников. П. Кропоткин в главе „Порядок“ книги „Речи бунтовщика“ хорошо рассказывает об этом событии. Затем, когда анархисты усвоили эту бранную кличку, они стали прибавлять к ней приставку „коллективисты“. Только в 1880 году на одном из конгрессов, состоявшемся в Швейцарии, название „анархист-коллективист“ было заменено, по предложению Кропоткина, названием „анархист-коммунист“. Название „синдикалист“ прибавилось к анархистам только в 90-ых гг., когда произошел коренной перелом в тактике.

Являются ли эти приставки „паразитическим наростом“, как уверяет самоуверенный автор из „Московского Набата“? Нужны ли они? Массы интересуются не столько теорией каждого направления, сколько его практикой. Поэтому можно признать, что, для различения разных систем, миросозерцания, их, пожалуй можно и не употреблять, памятуя, что масса больше интересуется выводами, чем предпосылками. Практика анархизма связана с программой и тактикой. Для обозначения программы приставки тоже с успехом можно не употреблять, ибо сторонников индивидуалистической программы—ничтожная горсточка, которую действительно следует игнорировать за ее чисто-буржуазный дух; а другие виды не коммунистических программ почти не встречаются. Остается область тактики. Вот тут то уж без приставок не обойтись ни как.

Анархисты индивидуалисты могут придорживаться всякой тактики, начиная с пассивного сопротивления Текера, синдикализма А. Боровового и кончая бандитизмом „безначальцев“ 1905-го года. Анархисты-коммунисты придерживались различной тактики в разные исторические периоды. Во времена М. Бакунина, когда они носили еще имя коллективистов, они были организованы в стройную партию (Международное братство), которая придерживалась тактики общинных вооруженных восстаний (1864—72 г. г.) Профессиональные союзы (синдикаты) анархическая партия использовала для своих революционных целей. В период 1873—77 гг. партия распадается на несвязные группы и порывает с профессиональным движением. На первый план выдвигается сперва индивидуальный террор, а затем антимилитаристская деятельность. Тогда анархисты „коллективисты“ переименовываются в анархистов коммунистов. Развитие анархического коммунизма приводит сперва к образованию крайнего террористического крыла, руководимого Иоганном Мостом и призывающего к поголовному истреблению буржуазии, а затем наступает перелом в пользу признания революционной роли профессиональной борьбы. Профессиональные союзы (синдикаты) признаются главными органами классовой борьбы и на смену террористическим методам борьбы приходит всеобщая стачка. Тогда многие анархисты, чтобы отмежеваться от террористов, усваивают имя синдикалистов. Совсем недавно

еще русских анархистов-коммунистов делили на мирных, синдикалистов и антисиндикалистов. И так, приставки к слову анархист нужны для установления тактических различий, которых нам никогда, вероятно, не удастся избежать, как не избегла их ни одна, вероятно, партия. Все партии с ходом великой Российской Революции стали переливать всеми цветами политической радуги, начиная с красного и кончая фиолетовым. Пока живо будет анархическое движение,—оно будет многогранно по тактике и всегда нужны будут ярлычки для установления различий.

Триединый анархизм, вопреки заявлениям его приверженцев, представляет собою именно особое течение. Этим вызывается для них необходимость именоваться „набатовцами" и говорить о „едином" анархизме. Перед его приверженцами стоит дилемма: или допустить „механическое" об'единение различных направлений в одной организации, рискуя разыграть в лицах Крыловскую басню „однажды лебедь, рак да щука взялись с поклажей вос вести"... или признать необходимым „органическое" об'единение. Они избрали второй путь и сшили из разноцветных лоскутков новое направление. Весьма некорректный по отношению к своим противникам Ф. Энгельс называл такие „сборные" системы „эклектической нищенской похлебкой". Может быть иногда он был и прав, но мы не последуем за ним...

И так „единый" анархизм—это вовсе не есть возврат к старому анархизму Кропоткина, Малатесты и Пасерсона, как пытается уверить тов. А. Барон своих читателей, а неудачная комбинация из трех..., обрывков разных систем анархизма. По существу, это—лоскутное одеяло, прикрывающее грешное тело одного из течений анархо-синдикализма, то-есть один из толков небольшой секты, а отнюдь не широкая всеохватывающая система.

Пусть не подумают читатели, что мы боимся всякого новшества и поэтому боремся против попыток создания новых систем анархизма. Одному лишь требованию должна отвечать каждая новая система, требованию, формулированному ибсеновским Брандом в словах:

„...Будь, чем хочешь ты; но будь вполне,
Будь цельным, не половинчатым, не раздробленным"...

А этому то требованию набатовский „единый" анархизм и не отвечает.

В. Хрусталев.

---

* *
*

Чтоб вольнее дышала народная грудь
Взвейся черное братское знамя,
Пусть всемирной анархии пламя
К новой жизни откроет нам путь.

Пусть же все, на что каждый с презреньем глядит:
Цепи, тюрьмы, суды, эшафоты,
Эти вечные власти оплоты,
Разум силой своей победит.

В. Бубенцов.

Призыв „Грозы“.

Мы вестники грозы. Мы легкие облачка на тусклом небе буржуазной морали. Мы пророки крушения собственности, власти и государства, этих золотых тельцов нашего века. Государство, власть и собственность—„святая троица“, ыоторая на протяжении тысячелетий калечила человеческое общество, угнетала личность и заставляла народы вести братоубийственные войны. Для всех, кто является защитником идеи государства, власти и собственности, кто является угнетателями человека, мы вестники конца их беспечного существования при посредстве чужого труда, труда рабов. За нами приближается гроза—Социальная Революция. Уж блещет молния и слышны раскаты грома. Удар за ударом сыпятся из тучи революции на старый мир угнетения и произвола. Рушатся старые цепи. Кончаются муки Прометея.

Пройдет гроза; растают тучи и заблещет солнце анархии, солнце свободы, и воспрянет человек к творческой жизни. На освеженной грозой, земле, не будет места рабству и угнетению, не будет места власти человека над человеком. Свободные общества трудящихся покроют землю сетью свободных союзов. Земля превратится в одну просторную, светлую мастерскую. Только свободная воля человека, только творческая сила его разума, не стесненная законами насилием и властью, создадут довольство и счастье для всех трудящихся. Никакие декреты, черезвычайки и комиссии не дадут истинной свободы, истинного равенства, истинного братства.

Мы зовем с нами тех, кто долго страдал от рабства и нищеты, кто ненавидит произвол власти и чьей крови требует государство, этот кровожаднейший из зверей когда либо бывших на земле. Мы освещаем то, что стараются скрыть угнетатели и узурпаторы от глаз трудящихся и подвластных.

Мы говорим вам, трудящиеся и угнетенные, что злейшие враги ваши—это правитель, законник, священник и воин, как носители и защитники идеи государстрства и власти.

Мы зовем вас к Социальной Революции, но предупреждаем—не идите за нами слепо, ибо каждый идущий на поводу есть управляемый—он раб. Пусть каждый из вас будет прежде всего личность. Мы зовем вас не для того, чтобы стать властью над вами, а чтобы разрушить всякую власть, всякие границы свободному творчеству масс и отдельной личности.

Наша программа, наш опыт в прошлом—сама жизнь.

Разве жизнь не научила презирать законы, которые меняются как картины в кино, в зависимости от каприза хозяина.

Разве жизнь не показала, что ангел, становясь властителем, превращается в черта.

Разве жизнь не научила нас видеть бесконечность там, где еще не так давно была „твердь небесная“ и восседал на троне триединый деспот.

Разве жизнь не показала нам, что во имя самых отвлеченных идей государства и власти пролиты моря человеческой крови.

Да жизнь научила нас всему этому и многому, еще большему. Поэтому говорили мы:—Вы трудящиеся и угнетенные и просто рабы идите прямым путем к революции, свергайте всякую власть и не давай-

те ее никому. Не доверяйте никакому вождю, никакой партии особенно той, которая, как торгаш на рынке, расхваливает свою программу и прикрывается народностью. Нет такой партии и нет такого человека который бы дал вам свободу и счастье. Только вы сами, трудящиеся, об,единенные общей целью свержения ваших врагов: угнетателей, насильников и кумиров, можете через Социальную Революцию получить свободу равенство и братство.

Только гроза очистит воздух наполненный зловониями прошлого.
Уж слышны раскаты грома, молнии ослепительно сверкают.
Приближается час роковой для угнетателей и тунеядцев!
Трудящиеся—тесней сомкните свои ряды!
Настает эпоха свободного человека на свободной земле!
Пойте гимн освобожденного труда!
После грозы заблещет солнце свободы, солнце анархии.

Инициативная группа союза
революционных интернационалистов „Гроза“.

Критика предупреждений против анархизма.

(Брошюра проф. Рейхесберга.)

Критика профессором Рейхесбергом анархического учения более, чем слаба. Читая его брошюру, приходишь к убеждению, что этот профссор не потрудился познакомиться с нашим учением. В первой половине своей брошюры он как бы не подозревает, что со времен Бакунина громаднейшее число анархистов—коммунисты и утверждает, что различие между анархизмом и коммунизмом лежит в том, что принципом анархизма является индивидуализм, а принципом социализма—коммунизм. (Социализм и анархизм. Стр. 17. Изд. „Воля“ 1917 г.). Он, почему то, утверждает, что анархизм строго придерживается крайнего индивидуализма (стр. 11) и заявляет, что „отдельная личность интересуется обществом только в том случае, когда надо покорить его“ (стр. 12). Оказывается, что этот профессор не знает даже азбуки анархистов, которая говорит о взаимопомощи и солидарности, как об устоях анархического общежития.

Мы не намерены останавливаться на ошибках профессора в области политической экономии (теория кризисов, падения прибыли, заработной платы и пр.); многие социалисты разделяют эти ошибки профессора, но все, что он говорит об анархизме глубоко ошибочно. Он воображает, что анархисты полагают, что в истории человечества идет такая борьба, при которой „здесь, как и во всякой борьбе, естественно оказывается более сильным и одерживает победу тот, кто природой был одарен большими физическими и нравственными силами“. Едва ли имеются анархисты так по детски смотрящие на победителей в исторической или в экономической борьбе. Мы прекрасно знаем, что эти победители зачастую бывали нравственными тупицами и зачастую слабосильными и слабонервными людьми. Институты власти и наследства дают этим людям победу над людьми более богато одаренными природой.

Говорит неправду профессор Рейхесберг, когда утверждает, что анархисту не о чем больше заботиться, как только об удовлетворении своих личных потребностей. Русские анархисты, например, сотнями умирали от рук царских палачей, вовсе не думая о своей личной жизни.

Прудон, которого я, например, не считаю анархистом, а только одним из видных предтечей анархизма, по мнению нашего профессора, „научно“ формулировал анархическую теорию, которую профессор не счел, впрочем нужным изложить. Но за то профессор менее чем на двух страничках излагает две „анархических“ теории, о которых, впрочем, имеет очень смутное понятие. Он говорит простую неправду о том, что анархисты коммунисты хотят ввести коллективную собственность отдельных хозяйственных групп, анархических коммун. Указание на то, что анархисты намерены раздробить капитал между отдельными хозяйственными группами, которые будут, не считаясь с другими группами, регулировать производство, безусловно ошибочно. Такие фразы профессора, как „социалисты отвергают всякое применение насилия“ странно звучат в ушах людей, живущих в конце второго десятилетия XX-го века в Германии, России или недавно еще бывшей социалистической Венгрии. Также странны заявления профессора о том, что социалисты не допускают не допускают насилия над отдельными лицами. Достаточно вспомнить народовольцев, с.-р-ов, социалистов, получивших государственную власть. Этот профессор смеет говорить о какой то (конечно не существующей) анархической теории, якобы настаивающей на том, что человек должен заботиться только о своем благе и для этого красть, убивать и прочее.

Пустая, лживая и безграмотная брошюра в печатный лист размерами с громким названием „Социализм и анархизм“ не знакомит читателя ни с тем, ни с другим учением. Вместо социализма, она дает обрывки марксизма в его узком понимании, а вместо анархизма недобросовестную или безграмотную болтовню.

Марсин.

Факты, мимо которых нельзя пройти молча.

Недавно вышел „Голос Труда“—журнал, орган союза анархо-синдикалистов того же названия. С первых же строчек от журнала веет какой то мертвечиной. Кажется, переверни страницу и от нее полетит пыль, как от древнего фолианта. Впечатление такое, что приятели, составляющие и авторов и редакцию в одно время, сошлись у кого либо из них и вот за стаканом чая ведут „очень умный“ разговор с туманно теоретическими построениями. Здесь и физика, и метафизика, и интернационализм, и синдикализм, и много разных „измов“ и „очень“ иностранных слов;—даже не забыт „паноптикум“, но нет жизни, бьющей ключем, нет отражения действительности, которая совсем противоположна тому, что хотят изобразить в своих салонных разговорах „друзья из Голоса Труда“. Неизвестно, на кого расчитан и этот первый номер, но во всяком случае он не предназначается для широких трудовых масс.

Правда, здесь много самокритики, самобичевания, но все это только для того, чтобы бросить яблоко раздора в нашу тесную анархическую семью и лишний раз лягнуть тех из нас, которые читают рефераты на тему о том, как хорошо было бы, если бы сама масса, снизу, путем творчества создала анархический строй. Поговорит такой товарищ и... „весел Тришка мой“. Задеть, мимоходом, пресловутого Тришку, посмеяться над его кафтаном, конечно, с высоты своего кабинетно-„философского“ величия—это одна из характерных черточек журнала.

„Голос Труда“ видит спасение только в анархо-синдикализме. В нем, как в вере православной,—искупление от всех зол и только через него, при помощи ясной и определенной программы, найдут свое спасение трудящиеся. Все остальное, по мнению „друзей“, только изобретение праздного ума—„анархизмы“.

В „Програмных вопросах“ редакция (она же—все авторы журнала) приходит к выводу, что, как ни витай в заоблачных высотах своего собственного философского и теоретически туманного величия, все же надо спуститься до вопросов обыденщины. Редакция ставит ряд вопросов практического характера о строительстве жизни, на который может быть один всеоб'емлющий ответ самой жизни—это творчество „низов“, творчество масс, нестесненное программами и постановлениями центра. А „Голос Труда“ все еще ищет ответа и для этого ему необходимо знать мнение „низов“, ибо на вопросы строительства может ответить сама масса. Философам из „Голоса Труда“ нужны задачи, которые им зададут массы, а они эти задачи будут решать и составят свою программу, а потом эту программу—плод кабинетных спекуляций с мнением низов,—предложит массам, ибо массы, по мнению журнала, сами строить жизнь не могут, а могут только отвечать на вопросы о строительстве. Масса, это—ученик, которого только что привели, а „Голос Труда“—строгий учитель, который по программе выучит массы „своему“ синдикализму.

По „высокому“ и весьма „компетентному“ „мнению сотрудников“ „Голоса Труда“, при строительстве самих масс получится Тришкин кафтан, почему их нельзя допустить к строительству помимо синдикалистской программы, в которой, как в символе веры, все будет строго взвешено и определено на многие лета.

Кто же будет строить новую жизнь? „Голос Труда“ ясно не говорит об этом и его авторы туманными построениями и противоречивыми выводами окончательно затуманивают ум читателя.

В передовой статье Гросмана Рощина мы читаем:—„отныне пролетарская энергия не будет распылена, рассеяна, она имеет анархический очаг—советы“. Простой, не испорченный хитросплетениями „синдикалистов“ из „Голоса Труда“ ум читателя решает, что спасение в Советах, которые, как искры из костра, разнесут по миру пожар революции и устроят жизнь на началах анархо синдикализма по програме друзей из „Голоса Труда“. Ища подтверждения своему решению, наивный читатель вдруг встречает в „Програмных вопросах“ такую неожиданную тираду:—„Советская власть пытается довольно часто,—а чем дальше, тем чаще,—водворить, под тем или иным соусом, приемы строительства, напоминающие нам времена, казалось бы, отживших сильно централизованных государств“. После того, у читателя создается определенное мнение, что анархичность советов (советской власти) тоже существует только для синдикалистов „Голоса Труда“, которые за это сами себя и высекли.

Автор „Необходимости программы“ поражается многочисленностью определений анархизма, об'ясняя эту многочисленность извращенностью времен реакции. Он забывает, что, подчинив себя одному определению, анархизм тем самым уложит себя в гроб, который зовется партийной программой. Многочисленность определений вызывается тем, что анархизм есть учение жизни, а, во вторых, тем, что во времена реакции напряженно работает анархическая мысль, ища выхода из создавшегося

положения и под'искивая различные антитезы оправданию насилия, которое ярко вспыхивает в годы реакции.

Только в анархо-синдикализме спасение,—таков весь смысл журнала и поэтому этот журнал очень напоминает творения отцов любой церкви

С. Мосенжук.

Два слова по поводу „исповеди" М. И. Бакунина.

В Архиве 3-го Отделения найдена рукопись известная „Исповедь" М. И. Бакунина, написанная им в казематах крепости.

Вокруг этой рукописи поднимается некоторый шум, слышатся указания, что она вовсе не вяжется с анархическим учением, одним из главнейших основоположников которого был М. А. Бакунин.

Говоря правду, нас мало интересует эта рукопись. Дело в том, что она написана М. А. Бакуниным тогда, когда он не был еще анархистом.

Бакунин конца 40-х годов, Бакунин—пророк политических и национальных революций, Бакунин—певец славянства, Бакунин, говорящий, как „русский" и „как славянин", „Воззвание к славянам"), Бакунин, называвший себя „русским патриотом", и Бакунин, пишущий в 1851 году свою „Исповедь" вовсе не наш Бакунин, не Бакунин анархист, как не наш Бакунин — Бакунин консерватор гегельянец 1836—39-х годов.

И, конечно, Бакунин, писавший свою исповедь по предложению деспота Николая, писавший ее после двух смертных приговоров и после заключения, которое грозило стать пожизненным, писал Николаю не то, что думал, не говорил ему всей своей правды, не мог говорить ее не только потому, что „плохие песни соловью в когтях у кошки", но и потому что безполезной для других и вредной для него самого могла быть эта правда.

Во всяком случае нам интересен только М. А. Бакунин анархист, а в брошюре А. Карелина „Жизнь и деятельность М. А. Бакунина мы читаем:—„в период времени от 1867-го по 1868 год убеждения Бакунина принимают определенно анархический характер". *Архивный.*

От секретариата В. Ф. А.-К.

Членские билеты Всер. Фед. Анар. Ком., выданные на 1920 год, за номерами 1637, 1662, 1663, 1664, 1665 и 1666 считать недействительными.

По предложению товарищей из г. Великого Устюга, секретариат В. Ф. заявляет, что в г. Великом Устюге организовался „Союз анархистов Северного края". Адрес секретариата: В. Устюг, Красная улица, дом 44. Спросить тов. А. М. Елезова.

Библиографический указатель.

(Продолжение).

Новомирский. Из программы синдикального анархизма.

Новый поход против социал-демократии. Лондон. Ц. полтора пенса.

Ньювагуис Домела. Социализм в опасности. Библ. Анархиста № 22. Ц. 50 к.

„ Распад марксизма. СПБ. 1907 г. Книгоизд. „Зори". Ц. 20 к.

„ Милитаризм и отношение анархистов к социальной революции, к международной войне. Ц. 12 к.

Островский. Нужно ли делить землю и хлеб? Изд. Пет. Фед. Анар. Групп.

Набат. Открытое письмо к партии коммунистов (большевиков).

Оргениани К. Революция и революционное правительство. Изд. Мос. Ф. А. Г. и другие издания.

„ Как и из чего развился революционный синдикализм? Лондон. Ц. 10 пенсов,

„ О рабочих союзах. Лондон. Ц. два с половиной пенса.

„ Парижская Коммуна. Издание Кронштатской организации анархистов. 1918 г. Стр. 31. Ц. 30 к.

„ Об интеллигенции. Издание „Листков Хлеб и Воли" Лондон. 1912 г. Стр. 31. Ц. полтора пенса.

Памятка бедняка солдата. № 6. Изд. Е. Д. Клюева. Томск.

П. А. Учредительное Собрание или социальная революция. Библ. Анарх. № 6. М. 1917 г. Ц. 25 к.

Песни и стихотворения Анархистов. М. 1918 г.

Присяжнюк Р. Речь перед судом. Изд. „Равенства".

Прудон. Что такое собственность или иследование о принципе права и власти. М. 1919 г. Стр. 201.

Пугачевщина. Цюрих. 1873 г. (Конец брошюры написан П. А.

Протоколы 1-го Всер. с'езда Анар. Ком. 1919 г. Ц. 3 р. 50 к.

Раевский. Анархо-синдикализм.

Революционное Творчество. Ежемесячный журнал №№ 1—2. Изд. Ф. М. Неусыпова. Москва.

Резолюции с'езда, имевшего места в г. Брянске с 6 по 11 августа 1918 г. Изд. Малый Секретариат С. О. С. А. М. 1918 г. Сев. обл. С'езд Ан.

Резолюции первого с'езда Конфедерации Набат.

Реклю Элизе. О русской революции. Изд. д. „Равенства".

„ Анархия. Изд. Моск. Фед. Ан. Г. М. 1917 г. Библ. Анарх. № 2. Ц. 25 к. Здесь же П. Кропоткин: Биография Элизе Реклю, и как предисловие к книге Поль Гио. Анархизм в Соединенных Штатах.

„ Духовенство, церковь и анархия. М. 1918 г.

„ Анархия и церковь. Москва. 1917 г. и изд. М. Ф. А. Г.

„ Эволюция, революция и идеал анархизма. Биб. Анархиста № 19. М. 1918 г. и книгоиздательство „Вега" 1906 г.

„ Моему брату крестьянину. Изд. М. Ф. А. Г. Ц. 20 к.

Русов. Критики анархизма. С приложением статьи „Андрей Белый и социал-демократия". М. 1918 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Автора.

Русская революция и анархизм. Лондон. 1907 г. 86 стр. 3 пенса.

Речи анархистов на суде. Изд. Киевской Ассоциации Свободных Анархистов. 1919 г.

Секретариат В. Ф. А.-К. просит товарищей всю корреспонденцию и все запросы направлять по прежнему адресу: 1-ый дом Советов, ком. 219, А. Карелину.

21-я Типография Полиграфического Отдела Моск. Город. Сов. Нар. Хоз. (б. Желудковой), Большая Якиманка, 32.

6